

ЕЛЕНА АРИФУЛЛИНА

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
А81

Серия «Суперпроза»

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Арифиллина, Елена Юрьевна
А81 Взгляд сквозь пальцы / Елена Арифиллина.— Москва:
Издательство АСТ, 2019.— 317, [1] с.— (Суперпроза).

ISBN 978-5-17-113352-8

У Ольги Вернер, врача из курортного черноморского городка, больше нет тени. Но у нее осталось мужество — мужество отчаяния. Ей нужно спасти себя и своих детей, переиграть могущественного противника и вспомнить, как это — обрадоваться по-настоящему. У нее в запасе только сорок дней, а потом...

Отступить некуда. «Исполнишь решимости и действуй — это выбор благородных». Так сказано в книге, которую Ольга никогда не читала, но почему-то знает наизусть.

Увидеть мир таким, каков он есть, можно только сквозь пальцы.

© Елена Арифиллина, текст, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Тебе — как все и всегда

Я осталась бы человеком, живи я этажом ниже.

Все было как всегда: в руке огромный пакет с продуктами, на плече сумка, ноги подкашивались после приема на полторы ставки. Еще чуть-чуть — и я открыла бы свою дверь, сбросила туфли и поставила чайник.

На лестничной площадке лежала груда грязного тряпья. Бомж. От резкой вони защипало в носу. Стараясь дышать неглубоко, я обогнула его и только поставила ногу на ступеньку, как из груды выстрелила грязная рука и цепко ухватила меня за щиколотку.

— На! — тявкнул металлический бесполоый голос.

Ощущение было такое, словно я попала в капкан. Задышавшись от вони и чувствуя, как к горлу подкатывает комок, я рванулась так, что вся груда засаленного тряпья поехала за мной. Хватка мгновенно ослабла, я вырвалась, через две ступеньки взлетела на этаж выше и выдохнула, только когда захлопнула за собой железную дверь.

Первым делом я бросилась в ванную и старательно оттерла щиколотку спиртом, потом долго стояла под душем. Казалось, едкая вонь пропитала кожу, въелась в волосы. А противная внутренняя дрожь отпустила

только после двух чашек чая с лимоном, куда я щедро плеснула коньяка.

По коридору процокали когти, и Макс явил мне улыбающуюся заспанную морду.

— Дрыхнешь, дармод, — сказала я, стараясь выразить голосом начальственное недовольство. — Хозяйку тут черт знает кто за ноги хватает, а ты хоть бы гавкнул.

Но умудренную жизненным опытом таксу на бобах не проведешь. Макс завалился на спину и подставил мне пузо. Когда я попыталась не отреагировать, он заколотил по полу хвостом и звучно чихнул от поднявшейся пыли. Угрызения совести (вторую неделю полы не мыты!) растаяли от собачьей улыбки, и я взялась чесать подставленное пузо, приговаривая: «Вот за что его любят?»

И тут меня осенила мысль: Дашка! Через час она должна прийти из школы, а этот... все еще тут? Может быть, ушел? Я сунула ключи в карман махрового халата, поправила полотенце на голове и вышла на лестничную площадку.

Как всегда, я выдавала желаемое за действительное. «Этот» все еще был тут. Мало того, он лежал все в той же позе, и рука так же торчала из лохмотьев.

Ощущая, как в желудке наливается холодом тяжелый ком, я положила в карман мобильник и перцовый баллончик, натянула хирургические перчатки и оставила дверь приоткрытой, чтобы успеть захлопнуть ее за собой, если что.

Если — что?

Пульса на тощем грязном запястье не было. И на сонной артерии тоже. И зрачки уже расширились, проглотив почти всю темно-коричневую радужку.

Все.

Грязное смуглое лицо, широкие скулы, глаза с эпикантусом. Кореец, узбек, китаец? Какая разница. Человек... был.

Я поднялась домой, набрала 03, услышала знакомый прокуренный голос диспетчера и сказала:

— Валя, это Ольга Андреевна. Пришлите труповозку. Бомж, у меня в подъезде. Нет, сейчас. Дочка должна из школы прийти.

— Пипец... — меланхолично резюмировала Валя и отключилась.

Труповозка подъехала неожиданно быстро. Фельдшер Михаил Васильевич сноровисто проверил отсутствие признаков жизни и махнул санитарам. Зататуированный Славик, которого я полгода назад выводила из белой горячки, и кто-то новенький — коренастый, с тяжелым неподвижным взглядом — стали разворачивать древние брезентовые носилки.

— Может, чаю, Михаил Васильевич? — сказала я. — И писать у меня за столом удобнее.

— Нет, Андреевна, спасибо, — хмыкнул фельдшер. — Доктор Вернер приедет, шепнут ему, что я тут у вас чай гонял, и что? Заревнует и пришибет!

Ах ты старый пень! Мышиный жеребчик хренов! Охота тебе лишний раз намекать на мое соломенное вдовство и забывать о субординации! Такие вещи спускать нельзя.

— Пришибет, — медовым голосом согласилась я. — И как же мы без вас, Михаил Васильевич? На кого нас покинете? На всех этих, без году неделя, прошлого года выпуска, что в вену с третьего раза попадают? А с вами как за каменной стеной. Так что чая не будет.

Васильич слегка притух. Он-то, конечно, имел в виду, что муж пришибет меня. Но представил себе другой вариант развития событий и поскучнел.

Со двора засигналила труповозка. Славик и новенький уже засунули носилки внутрь, перекурили и не ждали ждать, пока шеф изощрается в остроумии.

— Спасибо, что быстро приехали, Михаил Васильевич. А то жара какая стоит... — закрепила победу я.

— Да, достала, блин, жара, — ответствовал Васильич и ссыпался вниз, в догорающее пекло сентябрьского дня, к раздраженно сигналящей труповозке.

Когда я выглянула в окно, пятно тени от старой акации уже накрыло скамейку с развалившимся под ней рыжим котом, а в арке дома напротив показались две фигурки: одна в клетчатой юбке с красным ранцем, другая в синих шортах и тельняшке, с кислотно-оранжевой обезьяной Анфисой под мышкой.

И что Катька нашла в этой уродине? Нет же, вцепилась как клещ. Пришлось купить. И теперь она спит с ней, ходит с ней в садик и вообще редко выпускает из рук... Симптоматика настораживает...

А Дашка молодец, забрала сестру из садика без напоминаний. И по дороге вроде не поцапались.

Раскатилась двухтактная дрель звонка, заглушенная басистым лаем Макса.

— Ты что, ключи забыла? Катька, Анфису надо постирать. Макс, место! Плохая собака! Гавкучий пес!

Как об стенку горох. Две пары ног и две пары лап пронесли по коридору, хлопнула дверь детской, и там начался обычный вечерний бедлам с визгом, лаем и топотом.

Вечер потек по обычной колее: накормить, загнать в ванную, путем сложных дипломатических переговоров добиться твердого Катькиного обещания постирать Анфису в выходные.

— Как только встанешь, сразу ее стирать!

— Не стирать, а купать!

— Хорошо, купать, только быстро, и сразу на балкон, по такой жаре она уже к вечеру высохнет, и ты будешь с ней спать!

— Ну ла-а-адно...

Когда Макс чуть не волоком тащил меня на вечернюю прогулку, я была при последнем издыхании и, вяло болтаясь на другом конце поводка, могла только тупо размышлять, почему десятикилограммовая такса волочит мои пятьдесят пять килограммов, почти их не замечая. И что было бы, будь на противоположном конце поводка прицеплен ротвейлер. Или дог. Или алабай. С тем же успехом меня мог бы заменить воздушный шарик.

Я была готова думать о чем угодно, лишь бы не о том, почему нет писем от Генки.

На кухне нас ждали горячий чайник, полная Максина миска и понурая Дашка, притулившаяся на краю кухонного уголка.

— Ты чего надулась как мышь на крупу? — спросила я, наливая себе чай.

— Да так...

Тишину нарушали только жизнерадостное чавканье Макса и капающая из крана вода.

— Элька на день рождения пригласила, — безразлично сказала дочь.

- И когда?
- В воскресенье.
- Сколько тебе надо на подарок?
- Я не пойду.
- Что, будут гламурные?

Гламурными Дашка называла группу одноклассниц, которые на уроках делали маникюр, дотошно изучали «Космополитен» и слушали музыку. Путем титанических позиционных боев с участием директора и двух завучей их удалось обязать пользоваться наушниками. И то хлеб. А то учителя не было слышно.

Если это гимназия, в которую Дашку взяли по конкурсу, что же делается в обычных школах. И каково будет учиться Катьке?

— Нет, Элька весь класс пригласила,— сказала Дашка все так же безразлично.

Похоже, безразличие ей дорого давалось. Хорошенькая и веселая, умница Элька Дашке нравилась. Любящие родители-греки называли дочь Элладой, но никто ее иначе как Элькой не называл. Пробовали называть Ладой, но за этим именем стоял образ русой голубоглазой славянки в цветочном венке. Смуглая, кареглазая, курчавая Элька этому образу никак не соответствовала. Дашке он подходил больше, но та стала Дашкой еще в моем животе. Не Дарьей, не Дашенькой. Дашкой — скрытной, упрямой, сильной и надежной. В этот класс они пришли одновременно, два года назад. Элька вписалась в стаю легко, она была своя, местная. А Дашка — нет. Она и сейчас оставалась в классе сама по себе, и это ей, похоже, давалось все тяжелее и тяжелее. Еще бы, пятнадцать лет, переходный возраст...

— Я сказала, что не могу. Что ты на дежурстве, а Катьку не с кем оставить.

Я быстро прикинула в уме. Из родителей Дашкиных одноклассников больше никто в больнице не работает. Будем надеяться, что ложь не выплывет.

— Не хочешь идти — не ходи, а врать-то зачем?

Я уже понимала — зачем.

— Элька говорит, ей гостевой домик построили — гостей там принимать. И купили двух павлинов, они по участку ходят. С ними можно будет фотографироваться. И нужно принести с собой купальник: кто хочет, может купаться в бассейне. Будут шашлыки и живая музыка. Научат танцевать сиртаки. И Катьку, говорит, приводи, ее мама разрешает. У Эльки тоже младшие: сестра и брат. Няня за ними и за Катькой присмотрит. А домой потом ее папа отвезет.

Н-да-а-а... Гламурненько. Да нет, просто щедрое южное гостеприимство, праздник, на котором Дашкина ровесница может почувствовать себя взрослой девушкой, хозяйкой бала. Вот только потом нужно будет приглашать ее на Дашкин день рождения. А приглашать некуда.

— А ты что?

— А я сказала, что ты не разрешаешь Катьку таскать по гостям, она соскучится и будет всем мешать, потом станет плакать и проситься домой.

Ага. А еще она не выпускает из рук Анфису, на которую уже смотреть страшно. И постирать проклятую обезьяну удастся, дай бог, только в то самое воскресенье. И эта истеричная привязанность к Анфисе мне нравится все меньше и меньше.

Мои мысли сразу оборвались, когда я увидела, что Дашкины глаза полны слез.

— Мам,— сказала она полупшепотом,— когда у нас будет своя квартира? Ведь была же у нас квартира в Красноярске, зачем мы сюда переехали? И когда вернется папа?

Из-за вас с Катькой мы сюда переехали, хотелось мне закричать благим матом. Из-за вас, из-за того что у тебя формировалась астма, а Катьке поставили тубинфицирование! Из-за того что ты не могла вынести загазованного черт знает чем родного красноярского воздуха, надрываясь от сиплого кашля! Ингалятор стоял на тумбочке в прихожей и еще один такой же в школьном медпункте! А впереди маячили гормоны и инвалидность!

И из-за того что в нашем подъезде, оказывается, жил-поживал больной с открытой формой туберкулеза. Он не собирался тратить остаток жизни на лечение, а не на водку. И это его плевки украшали лестницу, по которой ходили мы все, но самой слабой оказалась Катька.

Древняя рекомендация: смените климат, езжайте к морю, если хотите спасти детей.

Мы так и сделали. Бросили все: Генкину диссертацию, мои перспективы на заведование отделением, «группу поддержки» — друзей-однокурсников. А здесь нас развели как лохов. И сейчас эта ободранная съемная двушка — на необозримо долгий срок. Если не выпрут. Если заработаю достаточно, чтобы за нее заплатить.

Я обняла Дашку за плечи и прижала к себе — упирающуюся, шмыгающую носом. Макс понял, что в его

владениях что-то не в порядке, поднялся со своей подстилки и с шумным вздохом положил голову Дашке на колени.

Только тут она наконец разревелась. А я шептала ей в мокрое ухо:

— Ты же знаешь, построят дом, и там у нас будет своя квартира. Папа вернется, когда денежку заработает. Через полгода — может быть, через год. Черный весь придет, загорелый, только зубы белые. Ты же знаешь, ты ведь у меня совсем большая, взрослая. Что бы я без тебя делала, не знаю. Катька полностью на тебе. Ты и приготовить можешь, и Макс вон какой ухоженный, весь блестит, шерсть атласная. Да погладь ты его, видишь же, как он набивается... Погладь хорошую собаку...

Услышав кодовую фразу, Макс заколотил хвостом. Мокрая Дашкина ладонь легла на собачий загривок, сжала атласное ухо.

— Мам, а папа сможет нам обезьянку привезти?

Господи, какая она у меня еще маленькая.

— Не знаю, может быть. Как таможня пропустит. Давай спать, поздно уже. Завтра я во вторую смену.

Дашка всхлипнула последний раз, взяла Макса в охапку — он тут же лизнул ее в нос — и отправилась в их с Катькой комнату.

У меня не хватило духа рекомендованным твердым тоном рявкнуть: «Макс, место!» Все равно потом к Дашке залезет, а она сейчас нуждается в утешении. Он бы и к Катьке залез, но не может взобраться на второй ярус кровати. Да и место занято, там Анфиса.

Катька с Анфисой, Дашка с Максом, а я — я опять одна. Кто бы меня утешил. Утешителей-то кругом как

собак нерезанных. Рентгенолог Кирилл с масляными глазами. ЛОР Женя тоже не прочь, я же чувствую. Василий, и тот туда же, старый хрен. Куда конь с копытом...

Пошли все вон. Куплю себе плюшевого медведя, как жара спадет, и буду с ним спать.

Спала я плохо. Невыносимо чесалась щиколотка. Это какой же комар-мутант прорвался через газовую завесу «Комбата», хоть бы не малярийный, с-с-сволочь...

Когда я проснулась, комната была залита солнцем. Скользящий график работы хорош тем, что вторая смена может выпасть на пятницу. Это и возможность выспаться за неделю, и законная отмазка от осточертевших пятиминут, которые все больше и больше напоминают передачу «Слабое звено». У нас в отделении больные ее очень любили.

И вообще я по натуре сова.

Полоса удачи не прекращалась. Медсестра, веселая хохотушка Оксана, отпросилась уйти пораньше и умчалась, довольная, на свадьбу какой-то из бесчисленных родственников. Вскоре после ее ухода очередная жертва бюрократии в пароксизме счастья от того, что хождение по кабинетам закончилось, получив мою подпись на справке, широким жестом поставила передо мной банку «Якобса» со словами: «Вот, пожалуйста, хоть кофе выпьете!»

Да не пью я кофе! А вот патологоанатом и судмедэксперт Валера пьет...

Так что, пользуясь отсутствием свидетелей, банку я прикарманила.

За два часа лихорадочной писанины я подчистила все хвосты в амбулаторных картах за неделю. «На свободу — с чистой совестью!» Зайти к Валерке — и домой. И пусть будет письмо! И еще пару детоксов на выходных!

Валера сидел в кабинете, курил и смотрел в пространство. Меня он заметил не сразу.

— Привет,— наконец-то отреагировал он.— Какими судьбами? Ты ж на вскрытия не ходишь. От Генки есть что-нибудь?

— Привет. Ты же знаешь, я потому и пошла в психиатрию, что мои больные, как у дерматолога, не выздоравливают и не умирают. По крайней мере от того, от чего у меня лечатся. От Генки давно ничего нет. Кофе угостишь?

— У меня нет.— Он продемонстрировал банку из-под «Пеле», набитую окурками.

— Хороший гость со своим приходит,— и я водрузила на стол эффектную банку «Якобса».

Валера быстро вскипятит крохотный чайник, поставил передо мной щербатую чашку, буркнув: «Не кривись, чистая...» Разлил кипяток и после первого глотка сказал, выдержав паузу:

— И что хорошему гостю надо?

— Информацию. Ты ж у нас лучший диагност. Помнишь, вчера Васильич бомжа привез? Это из моего подъезда. Ты уже вскрыл?

— Спыхватилась,— хмыкнул Валера.— Наверное, уже и похоронили. Сейчас узнаем. Прохоровна-а-а!

На пороге появилась старушка из позапрошлого века. Это тогда носили халаты с завязками-тесемками